

И. М. МАЙСКИЙ

ИЗ ИСТОРИИ ОСВОБОДИТЕЛЬНОЙ БОРЬБЫ
ИСПАНСКОГО НАРОДА 1808—1814 гг.

(к 150-й годовщине первой революции)

2 мая 1808 г. алькальд (старшина) маленькой деревни Мостолеса, расположенной под Мадридом, разослал по всем направлениям гонцов со следующим кратким, но красноречивым воззванием:

«Мадрид в настоящую минуту является жертвой французского вероломства. Отечество в опасности! Испанцы! Восстанем все для его спасения!»¹.

Так началась великая война испанского народа против владычества Наполеона. Так началась и первая испанская революция.

Чтобы понять смысл и характер дальнейших событий, необходимо хотя бы кратко рассмотреть внутреннее и внешнее положение Испании накануне 1808 г.

1

Каково было внутреннее положение страны?

Испания той эпохи представляла собой централизованную феодально-абсолютистскую монархию со слабыми зародышами капиталистического развития и сильнейшим влиянием католической церкви.

Хозяевами страны были крупные землевладельцы (светские и духовные), которым принадлежало свыше $\frac{2}{3}$ пригодной для обработки земли². Подавляющая часть крестьян не могла прокормиться на остающейся трети и вынуждена была арендовать землю у помещиков или работать у них в качестве батраков³. Это ставило деревенское население в полную экономическую зависимость от крупных землевладельцев, которая еще более увеличивалась из-за сохранившихся со времен средневековья институтов майората и сеньориальных прав помещиков в отношении охоты, рыбной ловли, выпаса скота, использования леса, помола муки, выжимки вина и т. д. В результате, хотя формально крепостного права и не было, крестьяне находились фактически в полукрепостной зависимости от грандов и других помещиков.

Католическая церковь, крупнейший помещик Испании (ей принадлежало 17% годной к обработке земли), опутывала широкие массы народа густой сетью всевозможных денежных сборов и налогов. Дело доходило до того, что в начале XIX в. верующие, помимо индульгенций, десятины, пожертвований на построение храмов и т. п., должны были платить еще, например, такой фантастический налог, как специальный налог на устройство крестовых походов! Огромных средств стоило содержание церковного аппарата: на рубеже XIX в., при населении в 10—11 млн. человек. Испа-

¹ А. Каррель. Испания и ее революция. СПб., 1866, стр. 16.

² Ch. E. Chapman. A History of Spain. New York, 1948, p. 464.

³ A. Ramos Oliveira. Politics, Economics and Men of Modern Spain (1808—1946). London, 1946, p. 21.

ния пмела 20 тыс. храмов (т. е. один храм на каждые 500 жителей) и 180 тыс. церковников (т. е. один церковник на каждые 58 жителей) ⁴.

Легко понять, каким тяжким грузом ложилось все это на плечи народа, и прежде всего на плечи испанского крестьянства.

Пережитки феодализма сковывали развитие городов, промышленности и торговли. Цехи и гильдии мешали росту капиталистического производства и товарооборота. Внутренние налоги и пошлины (государственные, провинциальные, городские, взимаемые отдельными феодалами) на все предметы массового потребления — на зерно, мясо, масло, свечи, бутылки и пр. — чрезвычайно повышали цены на товары. А плохое состояние дорог и банды кишевших на них разбойников делали перевозку товаров крайне затруднительной.

Все это вместе взятое ставило огромные препятствия на пути капиталистического развития. Накануне 1808 г. Испания экономически была очень отсталой страной, а испанская буржуазия — еще очень слабой, значение ее не могло идти ни в какое сравнение со значением буржуазии во Франции.

Политическая надстройка тогдашней Испании вполне соответствовала ее экономическому базису. Абсолютный монарх король Карл IV, царствовавший в 1788—1808 гг., был человеком ограниченным и слабохарактерным, интересовавшимся только охотой и церковными службами. Во главе придворной камарильи стояла королева Мария-Луиза, женщина властная и ревнивая. Карл IV всецело подчинялся ей. Любовник Марии-Луизы — офицер гвардии Мануэль Годой пользовался большим доверием у королевской четы и почти 15 лет диктаторски правил Испанией. Наследником престола был принц Фердинанд (впоследствии король Фердинанд VII), человек на редкость тупой, лживый и жестокий. Он упорно добивался отречения отца с тем, чтобы самому поскорее сесть на трон. Мария-Луиза всячески противодействовала Фердинанду, желая продлить власть своего любовника. В результате отношения между Карлом IV и Марией-Луизой, с одной стороны, и Фердинандом — с другой, были весьма натянутыми.

Двор и правительство в подавляющем большинстве состояли из махровых реакционеров. Все реформаторские попытки в духе «просвещенного абсолютизма», которыми увлекался Карл III — отец Карла IV, были ликвидированы, а его более прогрессивные помощники (Ховельянос, Кампоманес, Флоридабланка и др.) находились в изгнании или были подвергнуты репрессиям. В верхах «общества» процветали мотовство, разврат, коррупция, интриги и подхалимство. Государственная казна была щедрой кормушкой для представителей аристократии. Вот один из многих примеров: в 1807 г. в испанском военном флоте насчитывалось не больше 15—20 пригодных для службы кораблей; несмотря на это, во флоте числились 1 прос-адмирал, 2 адмирала, 29 вице-адмиралов, 63 контр-адмирала, 80 капитанов линейных кораблей и 134 капитана фрегатов. На содержание двора в 1801—1802 гг. ушло 105 млн. реалов, или 17% всех доходов правительства. Государственные финансы Испании находились в полном расстройстве, и бюджетный дефицит год от года возрастал.

Едва ли приходится удивляться, что такой режим вызывал оппозицию не только со стороны буржуазии, но и со стороны значительных кругов помещиков и бюрократии. Возникло даже несколько заговоров против Годоя. Однако последний, используя свое влияние на королеву, сумел подавить все попытки свергнуть его диктатуру.

В те годы внешнее положение Испании было очень сложным и противоречивым.

Весь XVIII в. прошел под знаком упорной борьбы между Англией и Испанией. В 1761 г. был подписан так называемый «семейный договор»

⁴ Don Manuel Godoy. Mémoires du prince de la paix. Paris, 1836, p. 23.

об оборонительном и наступательном союзе между Бурбонскими династиями во Франции, Испании и Италии. Французская революция 1789 г. создала в Испании крайне «деликатную» ситуацию: внешнеполитические интересы толкали испанских Бурбонов к сотрудничеству с Францией, однако ненависть к революции и боязнь ее отталкивали их от Франции и сближали с Англией. Некоторое время испанские Бурбоны пытались проводить политику «нейтралитета». Тем не менее в 1793 г. они примкнули к антифранцузской коалиции. В 1795 г. Испания была разгромлена Наполеоном и подписала в Базеле невыгодный для нее мир. Затем Наполеон заставил Испанию участвовать в его агрессивных войнах, вплоть до известной Трафальгарской битвы 1805 г., в которой адмирал Нельсон нанес непоправимый удар франко-испанским морским силам. Когда летом 1807 г. Наполеону удалось заключить в Тильзите союз с Россией, он решил, что теперь настал момент для окончательного подчинения Пиренейского полуострова и доведения тем самым до логического конца той «континентальной блокады», с помощью которой он рассчитывал поставить Англию на колени (до того Пиренейский полуостров был единственным еще не закрытым окном в цепи этой блокады). После подписания в октябре 1807 г. договора с Испанией о разделе Португалии войска Наполеона в начале 1808 г. заняли Лиссабон. А когда это произошло, французский император решил заодно окончательно «урегулировать» и испанский вопрос, т. е. согнать испанских Бурбонов с их трона и посадить на него своего старшего брата Жозефа Бонапарта.

В марте 1808 г. французские войска под командой маршала Мюрата начали наступление на Мадрид. Королевская семья встретила эту весть панически. Годой стал готовить ее бегство за границу. Сведения об этом распространились в народе. 17 марта в Аранхуэсе (под Мадридом), где тогда находился двор, вспыхнуло восстание. Годой едва не погиб и, в конце концов, вынужден был бежать во Францию. 19 марта Карл IV отрекся от престола в пользу своего сына Фердинанда, но два дня спустя, 21 марта, взял свое отречение обратно. Вражда между Фердинандом и его родителями разгорелась с новой силой. Воспользовавшись этим, Наполеон с помощью весьма ловких маневров выманил и отца и сына во Францию. Затем он предложил Карлу IV вызвать из Мадрида во Францию оставшихся там членов королевской семьи, что Карл IV беспрекословно исполнил. После этого, по расчетам Наполеона, ничто уже не могло больше препятствовать возведению Жозефа на испанский престол. Однако здесь у французского императора получился просчет, который сыграл большую роль не только в его испанских планах, но и во всей его дальнейшей судьбе.

2 мая 1808 г., когда весть о предстоящем отъезде последних членов Бурбонской семьи из Испании во Францию докатилась до масс, население столицы поднялось с оружием в руках. При тогдашнем уровне политического сознания испанского народа это было вполне естественно. На протяжении веков испанский народ рос в традициях монархического господства, усердно поддерживаемых католической церковью. Широкие массы испанского народа не могли себе представить никакого иного строя, кроме монархического. Они привыкли отождествлять монархию с существовавшим в стране, с ее независимостью и могуществом. А монархия, в свою очередь, отождествлялась в сознании широких масс с царствующей династией Бурбонов. Поэтому на попытку лишить Бурбонов «законной» власти народ ответил открытым восстанием. По сути дела это было восстание против попытки навязать испанскому народу чужеземное господство.

В течение целого дня 2 мая тысячи простых людей — лавочники, ремесленники, рабочие, интеллигенты, — неорганизованные и плохо вооруженные, без военного руководства, героически сражались против 25-тысячной армии Мюрата. Силы были слишком неравны, и к вечеру восстание испанцев было потоплено в крови, после чего все члены Бурбонской династии

были отправлены во Францию. И Мюрат, и Наполеон, и сами испанские Бурбоны были уверены, что теперь Жозеф сможет беспрепятственно сесть на испанский престол. Однако эти расчеты оказались построенными на песке.

2

«Наполеон, подобно всем людям своего времени, считавший Испанию безжизненным трупом, — писал К. Маркс, — роковым образом должен был с изумлением убедиться, что если испанское государство было мертво, то испанское общество было полно жизни, и в каждой его части били через край силы сопротивления»⁵.

Исторические факты полностью подтверждают это суждение.

Именно в тот самый день, когда Мюрат подавил восстание в Мадриде, из деревни Мостолеса раздался призыв «Отечество в опасности!». Этот призыв сыграл роль спички, брошенной в бочку с порохом.

В Астурии, Сарагосе, Севилье, Кадисе, Корунье, Кордове и десятках других городов и провинций испанский народ поднялся на борьбу против иноземных завоевателей. Всюду возникали местные хунты, ставшие революционными органами власти, они низлагали старую королевскую администрацию, объявляли войну Франции, формировали народные ополчения и открыто выступали против французских войск на Пиренейском полуострове. Военные действия в большинстве случаев принимали характер «герильи», т. е. партизанской войны, но были случаи, когда в них принимали участие и регулярные испанские силы. Так, в июле 1808 г. в Андалусии испанскими войсками и партизанами был взят в плен французский генерал Дюпон вместе со всем своим корпусом, насчитывавшим 14 тыс. человек.

В архивах царского министерства иностранных дел хранится манифест «Верховной Правительственной Хунты Испании и Индий» — титул, которым тогда именовала себя хунта временной столицы Испании — Севильи (Мадрид был оккупирован французами). Манифест, датированный 6 июня 1808 г., торжественно объявлял войну «Наполеону I и Франции». В нем, в частности, говорилось:

«Повелеваем всем испанцам действовать против них (т. е. против Наполеона I и Франции. — *И. М.*) неприятельски и делать им всевозможный вред по воинским законам, и наложить эмбарго на все французские суда, стоящие в наших портах, и на все собственности, имущества и права сему правительству или кому-либо из сего народа принадлежащие...

Объявляем, что не оставим оружия, пока император Наполеон I не возвратит Испании нашего короля и государя Фердинанда VII и прочих коронованных особ и не почтит священных прав народа, им нарушенных, и его свободы, целостности и независимости»⁶.

Цитируемый документ хорошо отражает одновременно и силу и слабость народного движения в Испании того времени. Сила движения заключалась в его горячем патриотическом подъеме и твердой решимости вести борьбу до конца. Слабость движения обнаруживалась в том, что символом борьбы за свободу и независимость для масс являлся король, да и притом еще столь отвратительная личность, как Фердинанд VII.

Народная война, охватившая почти всю Испанию, поставила Наполеона в чрезвычайно затруднительное положение. 7 июля 1808 г. представители испанской знати, вызванные Наполеоном в Байонну (город на франко-испанской границе), смиренно присягнули на верность Жозефу Бонапарту, а 20 июля новый король в сопровождении блестящей свиты вступил в Мадрид. Однако настроение народа не имело ничего общего с настроением

⁵ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. X, стр. 722.

⁶ Архив внешней политики России (далее — АВПР), МИД, Канцелярия, № 7513, папка «Madrid, Gr. Stroganoff», 1808, № 7—76. Царское посольство в Испании послало в Петербург материалы, в подлиннике написанные по-испански, с приложением их перевода на русский язык. Здесь и в дальнейшем я пользовался этими переводами, чем объясняется их старомодный стиль.

аристократии. Прием, оказанный Жозефу населением столицы, носил зловеющий характер: улицы были пусты, окна и двери заколочены; вместо флагов были вывешены грязные тряпки; колокольный звон был погребальным, а не праздничным. Жители массами уходили из города. Со всех концов страны шли самые тревожные донесения; повсюду разъяренные массы испанцев ловили и убивали французских офицеров и солдат. Атмосфера была так накалена, что спустя 10 дней после вступления в Мадрид Жозеф со всем своим окружением бежал из столицы за р. Эбро. Наполеон был взбешен и писал своему брату: «Моими войсками, кажется, командуют не опытные генералы, а почтмейстеры».

Чтобы покончить с испанскими неожиданностями, сам Наполеон 5 ноября 1808 г. появился в Испании во главе армии в 250 тыс. человек, укомплектованной лучшими французскими частями. В течение 72 дней он разгромил имевшиеся в то время регулярные испанские части (насчитывавшие около 100 тыс. человек), занял Мадрид, оккупировал большую часть Испании и провозгласил здесь ряд крупных реформ: отмену сеньориальных прав феодалов, уничтожение инквизиции, закрытие монастырей и т. п. Теперь Наполеон решил, что Испания наконец приведена к покорности и 17 января 1809 г. уехал в Париж, поручив окончательное «замирение» страны маршалу Сульту. 22 января Жозеф вторично вступил в Мадрид, уверенный в том, что на этот раз уже ничто не помешает его утверждению на испанском троне.

Действительность вновь опрокинула расчеты Наполеона и его брата. Хотя почти все наиболее крупные города Испании и многие важнейшие провинции страны и находились в руках французов,— массовая, народная война упорно продолжалась, принимая все более широкий характер. В конце 1808 г. маршал Журдан писал: «Чем чувствительнее поражаетесь ее [Испании] армии, тем ревностнее народ хватается за оружие. Чем более подвигаются французы, тем опаснее становится их положение»⁷.

Двумя годами позже другой наполеоновский полководец — генерал Келлерман давал такую оценку положения в Испании: «Этот упорный народ поглощает армию. Тщетно отсекаешь головы гидре: они снова вырастают не здесь, так там»⁸.

О том, в каком положении нередко оказывались французы в Испании, ярко свидетельствуют документы, найденные мной в архивах царского МИД. Так, например, посол Наполеона в Мадриде граф Лафорет 5 июля 1810 г. писал французскому министру иностранных дел герцогу Кадорскому: «Курьер, отправленный из Парижа с почтами 18 и 19 минувшего месяца, приехал вчера, бывши подвержен великой опасности быть перехваченным. Другой курьер из армии и несколько почт испанских были перехвачены по дороге от Бургоса к Мадриду... Не упоминая более, как только о Мадритской провинции, в которой покорность и деятельная правительственная бдительность конечно совершенны, весьма приметно, что никто не может удалиться от стен столицы, не подвергая себя опасности»⁹.

Это письмо графа Лафорета было также перехвачено партизанами и опубликовано в испанской патриотической печати.

Около того же времени английский генерал Блэк, находившийся в Гибралтаре, т. е. на другом конце Испании, в письме (также найденном в архивах царского МИД) сообщал своему другу: «Офицеры и солдаты французские никогда не могут ходить иначе, как в великом числе. ибо, если идут одни или в малом числе, то бывают приносимы в жертву каким-либо многочисленными отрядами испанцев. По-видимому французы берут города без сопротивления, но не могут сохранить оных, и отряды, которые они оставляют в них, бывают вообще истребляемы»¹⁰.

⁷ А. Трачевский. Испания девятнадцатого века. М., 1872, стр. 155.

⁸ Там же, стр. 168.

⁹ АВПР, МИД, Канцелярия, № 7522, папка «Madrid, 1810, № 26, «Journaux».

¹⁰ Там же.

И это письмо было перехвачено партизанами.

Не удивительно, что «испанский вопрос», в конце концов, стал вызывать у Наполеона лишь возмущение и отвращение. Об этом свидетельствует еще один любопытный документ, извлеченный мной из архивов царского МИД, а именно — донесение испанского посла в Париже Асанса от 19 июня 1810 г., перехваченное партизанами и затем опубликованное ими в своей печати. В этом письме Асанса сообщает в Мадрид, что он был вызван к герцогу Кадорскому, который устроил послу бурную сцену.

«Министр сказал мне, — рассказывает Асанса, — что его императорское величество не может более посылать денег в Испанию, и нужно, чтобы сие королевство принимало меры относительно содержания войск и издержек на оные, что довольно и того, что на покорение Испании употреблено 400 тыс. французов, что Франция истощила свое казначейство, переслала туда с начала войны более 200 миллионов ливров»¹¹.

Однако положение не изменилось. Францией из-за мощного размаха «герильи» приходилось держать на Пиренейском полуострове опрочные силы. Так, в докладе русского поверенного в делах в Мадриде Моренгейма от 17 апреля 1811 г. сообщается, что общая численность французских войск в Испании и Португалии в тот момент достигала 296 тыс. человек (к сообщению приложена подробная диспозиция этих войск по корпусам и районам)¹². С цифрой, сообщаемой Моренгеймом, совпадают сведения из других источников. Если припомнить, что «великая армия», с которой Наполеон пошел на завоевание России, насчитывала около 600 тыс. человек, то нетрудно понять, какую серьезную проблему для наполеоновской Франции представляла в то время Испания.

Поход Наполеона в Россию сыграл огромную роль в развитии испанской ситуации. Для укомплектования «великой армии» ему пришлось снять часть сил с Пиренейского полуострова. Тот же Моренгейм 26 февраля 1812 г. доносил в Петербург, что численность французских войск в Испании и Португалии теперь равнялась уже только 219 тыс. человек¹³, т. е. на 77 тыс. меньше, чем 10 месяцев назад.

Катастрофа Наполеона в России имела громадный политический резонанс в Испании и вынудила императора еще больше сократить число своих войск на Пиренейском полуострове. Все эти обстоятельства открыли перед испанскими партизанами, а также перед английскими войсками под командой герцога Веллингтона, оперировавшими в это время в Испании, весьма благоприятные возможности. 22 июля 1812 г. под Саламанкой армия Веллингтона и партизанские отряды под командой Эмпесинадо — одного из талантливых вождей герильерос, нанесли тяжелое поражение французскому маршалу Мармону и затем заняли Мадрид. Жозеф Бонапарт был вынужден бежать в Валенсию. В августе того же года французам пришлось эвакуироваться из ряда занятых ими в Испании районов и постепенно отступить на линию р. Эбро. К середине 1813 г. маршал Клозель, располагая всего лишь 75 тыс. французских войск, тщетно пытался подавить партизанское движение в своем тылу. 21 июня 1813 г. у Витории объединенные англо-испанские силы под командой Веллингтона наголову разбили французов. Это было последнее крупное сражение на испанской территории.

В декабре 1813 г. последние французские части покинули Пиренейский полуостров.

Война против Наполеона была закончена. Испанский народ одержал в ней полную победу: независимость страны была восстановлена.

¹¹ Там же.

¹² АВПР, МИД, Канцелярия, № 7524—7528, папка «Madrid, Morenheim», 1811, № 8—41, л. 141.

¹³ Там же, № 7528, папка «Madrid», 1812, № 1—27, л. 80—94.

В 1808—1814 гг. развернулась не только великая патриотическая война испанского народа за свою независимость. В это время произошла и первая испанская буржуазная революция.

«Благодаря Наполеону,— писал К. Маркс в своей известной работе о революции в Испании,— страна избавилась от короля, королевской фамилии и королевского правительства. Были разбиты оковы, которые мешали испанскому народу проявить свою врожденную энергию»¹⁴.

Накопленные за многие века революционные потенции теперь стали быстро реализовываться. В порядок дня были поставлены основные проблемы испанской жизни того времени: ликвидация феодализма, ослабление влияния церкви, улучшение положения крестьянства, введение более либерального политического режима,— вообще создание условий для свободного развития капитализма. Как же они были разрешены? Весьма половинчато, ибо недостаточно наличия одной революционной ситуации,— нужны еще революционные силы, которые могли бы ее надлежащим образом использовать. Ввиду слабости экономического развития Испании таких сил, достаточно мощных и организованных, в стране не оказалось. В Испании 1808 г. не было того многочисленного, сплоченного и решительного «третьего сословия», которое за два десятилетия перед тем опрокинуло феодальные основы во Франции.

Выше говорилось о мощном народном движении, которое началось после мадридских событий 2 мая 1808 г. В области военной — в области борьбы против французов за независимость страны — это движение, как мы видели, добилось огромных успехов. Гораздо слабее было влияние того же движения на внутреннюю перестройку страны. И это не удивительно.

Национальный фронт, образовавшийся в Испании в годы войны и являвшийся главной пружиной всех тогдашних событий, включал самые разнообразные социальные элементы: крестьян, ремесленников, чиновников, интеллигенцию, представителей средней и крупной буржуазии, клириков из рядов среднего и низшего духовенства, значительную часть помещиков (особенно тех, кто не принадлежал к придворной аристократии), даже кое-кого из числа грандов и маркизов. На сторону Жозефа перебежали только представители высших кругов крупного землевладения и верхушки церковной иерархии. Когда речь шла об изгнании французов из страны, все разнообразные элементы национального фронта объединялись. Но когда дело касалось внутренних реформ, таких, как изменение политического режима в стране, положения церкви, как земельная реформа, улучшение положения крестьянства и т. п., — в рядах национального фронта немедленно обнаруживались внутренние противоречия. По этим вопросам созданные в 1808 г. хунты оказывались расколотыми на различные группировки и партии. Ибо, как замечает в уже цитированной работе К. Маркс, «народ был до того проникнут сознанием своей беспомощности, что инициативу он проявлял только в том, что принуждал высшие классы к сопротивлению против французов». Поэтому в хунты он часто избирал «своих природных начальников, высшее и низшее провинциальное дворянство, поддерживаемых духовенством и очень редко выдающимися представителями буржуазии»¹⁵.

Отвлекаясь от деталей, можно сказать, что в лагере испанских патриотов описываемой эпохи имелось два главных крыла:

1) консервативное, представлявшее интересы феодального землевладения, опиравшееся на крупных помещиков, духовенство, на широкие круги крестьянства, по традиции следовавшие за сеньорами и патерами:

¹⁴ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. X, стр. 725.

¹⁵ Там же, стр. 728—729.

2) либеральное, отражавшее интересы нарождавшейся буржуазии и опиравшееся в основном на городское население, особенно на население крупных портовых городов — т. е. на различные прослойки буржуазии, на интеллигенцию, ремесленников, рабочих и т. п.

Борьба между этими двумя основными группами составила главное содержание испанской революции 1808—1814 гг. Консервативное крыло было сильнее либерального, и это неизбежно должно было сказаться на плодах революции.

В самом деле, Центральная хунта, возникшая в сентябре 1808 г. и два года игравшая роль правительства революционной Испании, насчитывала в своих рядах слишком много представителей старого господствующего класса, и потому в числе принятых ею мер имелись такие, как, например, издание драконовских правил для печати, восстановление инквизиции, отмененной французами, приостановка продажи земель, принадлежавших церкви и аристократии, декретированной некоторыми провинциальными хунтами. Избранные осенью 1810 г. кадисские кортесы, в силу особых условий, сложившихся в стране к тому моменту, оказались значительно левее Центральной хунты. Они провозгласили знаменитую «Конституцию 1812 г.», которая для своего времени могла считаться образцом демократичности и стала в дальнейшем знаменем прогрессивных сил не только в самой Испании, но и в некоторых южноевропейских странах. Однако и кадисские кортесы сохранили в Испании монархию (правда, сильно ограниченную в правах), а также обеспечили господствующее положение для католической церкви. Что же касается основного для тогдашней Испании вопроса — о ликвидации феодализма, то тут кадисские кортесы обнаружили чрезвычайную робость: закон от 6 августа 1811 г. уничтожил сеньориальные права и привилегии помещиков, но сохранял за ними все их земельные владения, т. е. практически оставлял их хозяевами деревни. А это, в свою очередь, предопределило восстановление абсолютизма после окончания войны. Так оно и случилось, когда весной 1814 г. Фердинанд VII, вернувшись из французского плена, стал королем Испании.

Подводя итоги событиям 1808—1814 гг., приходится констатировать, что они имели две стороны: они освободили Испанию от иноземных завоевателей и восстановили ее национальную независимость; однако они не смогли освободить широкие массы испанского народа, и прежде всего крестьянство, от феодализма и классового порабощения. В этом сказывалась отсталость социально-экономического и политического развития тогдашней Испании.

4

Особо необходимо остановиться на внешней политике Испании в 1808—1814 гг. В краткой статье невозможно осветить ее полностью. Ограничусь поэтому лишь некоторыми наиболее важными моментами.

Весной и летом 1808 г. местные хунты, возникшие в различных городах и провинциях, считали себя чуть ли не независимыми государствами и действовали почти как суверенные державы. Здесь сказывался глубокий партикуляризм отдельных районов страны, сохранившийся с эпохи средних веков. Поэтому не удивительно, что образовавшаяся в конце мая 1808 г. хунта Астурии сразу же отправила своих представителей в Англию с просьбой о помощи. Тогдашний министр иностранных дел Великобритании Каннинг встретил их с большим сочувствием, а британская общественность оказала им самый восторженный прием. Принципы были просты: Англия в то время вела длительную борьбу с Наполеоном и была рада каждому союзнику, особенно на континенте Европы. Британское правительство послало в Астурию оружие, что местная хунта очень приветствовала; позднее туда же были отправлены английские войска под командой

Артура Уэллслея (впоследствии герцога Веллингтона). Это Астурийской хунте понравилось уже гораздо меньше (испанцы слишком хорошо помнили историю Гибралтара!), и она постаралась устроить так, чтобы англичане как можно скорее ушли в Португалию. Здесь 24 августа 1808 г. под Вимейре Уэллслей нанес поражение французскому маршалу Жюно.

В дальнейшем англичане проявили большую цепкость, всячески задерживаясь на Пиренейском полуострове. В задачи данной статьи не входит описание важнейших событий того, что британские историки именуют «Peninsular War», т. е. «Войной на полуострове». Достаточно будет сказать, что в 1808—1814 гг. англичане развернули сравнительно крупные военные операции в Испании и Португалии, что в этих операциях они то и дело вступали в непосредственный контакт с испанскими вооруженными силами, что во второй половине войны они иногда объединялись с партизанами (под Саламанкой в июле 1812 г. и под Виторией в июне 1813 г.) и общими силами нанесли удары французам.

Однако между англичанами и испанцами никогда не было полного единения. Их разделяли два вопроса: а) о командовании — англичане требовали подчинения своему командованию всех испанских сил, на что испанцы долго не соглашались; б) об испанской конституции — англичане (особенно лично герцог Веллингтон) находили конституцию 1812 г. «слишком левой» и оказывали покровительство консервативным элементам испанского национального фронта. Это было вмешательством во внутренние испанские дела, но такие соображения мало смущали лондонское правительство.

Летом того же 1808 г. испанские патриоты сделали попытку войти в сношения с другой великой державой, которая не сочувствовала завоевательным планам Наполеона. 27 июля этого года хунта Севильи, которая, как мы знаем, считала себя важнейшей среди хунт, обратилась с призывом к российскому императору Александру I¹⁶.

В заключение обращения говорится:

«Чувства Вашего императорского величества толико известны в пользу человечества и прав народов, что не сомневаемся ни на мгновение, чтобы не защитили Испанию и не удостоили содействием оной всеми средствами, кои великое Ваше благоразумие может Вам внушить».

Высокопарный стиль послания, очевидно, отражает требования тогдашнего монархического этикета. В действительности испанцы едва ли серьезно верили в благородные «чувства» российского императора, что видно из сопроводительного письма на имя русского дипломатического чиновника Бичилли, который должен был доставить обращение Севильской хунты Александру I. В этом письме они апеллируют уже к чисто государственным интересам России:

«Верховное собрание Правления (т. е. Севильской хунты.— *И. М.*), будучи убеждено, что праведное наше дело есть дело всех европейских народов и что увеличение императора французов Наполеона I на третья земли (к тому моменту французами была оккупирована треть территории Испании.— *И. М.*) может служить единственно к разрушению, при пособиих сей державы, всего политического равновесия, по которой причине император (т. е. Александр I.— *И. М.*) должен иметь величайшую пользу в сохранении нашей независимости»¹⁷.

Едва ли нужно говорить, что обращение Севильской хунты не имело никаких непосредственных результатов: Александр I был связан только

¹⁶ Обращение также находится в архивах царского МИД (Канцелярия, № 3269, папка «Espagne», 1808, № 18—19). Оно довольно длинно и содержит подробное изложение военных и политических событий в Испании на протяжении первых трех месяцев войны.

¹⁷ АВВР, МИД, Канцелярия, № 3269, папка «Espagne. La Junta Supreme», 1808, № 18, 19.

что заключенным им Тильзитским договором, а также, разумеется, не имел желания содействовать испанской революции. Тем не менее, не очень доверяя Наполеону, Александр I внимательно следил за всем, что происходило в Испании. В своих инструкциях дипломатическим представителям России в Мадриде он в особенности подчеркивал необходимость получения самой точной информации о военной ситуации на Пиренейском полуострове. Он рекомендовал также русскому послу в Испании Репнину сопровождать Жозефа в его поездках по фронту и подробно доносить обо всем, что увидит, но только «вполне надежным путем»¹⁸.

Положение резко изменилось четыре года спустя после обращения Севильской хунты. Тильзитский договор был расторгнут Наполеоном. Французский император двинулся походом на завоевание России. Началась Отечественная война 1812 г. Создававшаяся обстановка диктовала единение России и Испании. Александр I вынужден был изменить политику в отношении Испании. Быстро пошло сближение между обеими державами. Результатом явился союзный договор, подписанный 20 июля 1812 г. в Великих Луках со стороны России уполномоченным Н. Романовым и со стороны Испании — Франсиско Сеа Бермудесом. Договор устанавливал между Россией и Испанией «не только дружбу, но и искренний союз и единение» (ст. 1). Обе стороны давали обещание «с этого момента искренне содействовать всему, что может быть полезно той или другой стороне» (ст. 2). Очень важна была ст. 3, которая гласила: «Его величество император всей России признает законными обычные и чрезвычайные кортесы, заседающие в настоящее время в Кадисе, а также выработанную ими и санкционированную ими конституцию»¹⁹. Таким образом, самодержец всероссийский официально признавал испанскую революцию и ее наиболее демократическое творение! Это имело тогда для испанских патриотов очень большое политическое значение.

Но дело не ограничилось только подписанием союзного договора. Одновременно в российских правящих кругах возникла идея, в дальнейшем претворенная в жизнь, образовать из пленных испанцев и португальцев (в наполеоновской армии пелись и те и другие) особый «Испанский легион» для отправки его на Пиренейский полуостров. Этот легион получил специальную форму, содержался за счет России и отдельными группами, по мере накопления бойцов, отправлялся в Испанию — сначала через Петербург, позднее через Одессу²⁰. Транспортировку легионеров производили англичане на своих судах.

Война и революция 1808—1814 гг. с необыкновенной яркостью обнаружили замечательные качества испанского народа — его патриотизм, его смелость, его твердость, его готовность к жертвам во имя свободы и независимости. Это был единственный на Западе народ, который с такой силой осмелился восстать против наполеоновской Франции. События 1808—1814 гг., несмотря на допущенные ошибки и слабости, вписали славную страницу в историю Испании, вернее в историю народа Испании, страницу, которой каждый честный испанец может по справедливости гордиться.

¹⁸ АВПР, МИД, Канцелярия, № 7520, папка «Madrid», 1810, № 1—5.

¹⁹ M. Lafuente. Historia general de España. Barcelona, vol. 25, p. 286.

²⁰ См. М. И. Кутузов. «Сборник документов», т. IV, ч. II. М., 1955, стр. 236.

